

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-1-293-296

XLV МАЛЫШЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

12 мая 2021 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН прошли традиционные ежегодные Малышевские чтения, посвященные 150-летию со дня рождения академика Владимира Николаевича Перетца (1870–1935).

В. П. Бударагин (Санкт-Петербург) во вступительном слове отметил, что открывающиеся Малышевские чтения, как и предшествовавшая ей конференция-выставка в Библиотеке Академии наук, подтверждают актуальную значимость научной деятельности академика В. Н. Перетца по изучению отечественной словесности. Бударагин подчеркнул закономерность проведения конференции, посвященной ученому, именно в рамках «Малышевских чтений», поскольку созданная им коллекция рукописей стала в полном объеме доступна исследователям при самом энергичном и деятельном участии В. И. Малышева. Составленный им и изданный в 1965 году «Путеводитель» по фондам Древлехранилища позволил в достаточно полном объеме осознать грандиозный масштаб научных интересов академика.

В докладе М. А. Робинсона (Москва) «Методологическое новаторство В. Н. Перетца в оценках современников» анализировались методологические взгляды выдающегося русского ученого и педагога. В работах «Из лекций по методологии истории русской литературы» (Киев, 1914) и «Краткий очерк методологии истории русской литературы» (Пг., 1922) ученый отказался следовать канонам культурно-исторической школы, пытаясь найти новые подходы к анализу литературных произведений. Он полагал, что «история литературы рассматривает и изучает формальную сторону памятников словесного творчества, ее эволюцию, оставляя историку культуры — изучение содержания, собственно идейную сторону памятников прошлого как таковую». Суждения Перетца были схожи с положениями, принятыми последователями школы русского формализма, членами ОПОЯЗа («Общества изучения поэтического языка»), и даже оказали определенное влияние на развитие формализма на начальном этапе. Это обстоятельство отмечали и такие близкие к данному научному сообществу исследователи, как В. М. Жирмунский и Р. О. Якобсон. Родство теоретических положений Перетца с приемами школы русского формализма вызвало в 1920-е годы критику со стороны последователей «марксистской» методологии. В спорах формалистов с «марксистами» Перетц явно сочувствовал первым, полагая, что они пытаются «воскресить филологию». Сам Перетц характеризовал свою «Методологию» как «не марксистскую» и работал над ней, питая слабые надежды на возможность публикации это-

го исследования: расширенная, но не законченная версия этого труда так и не увидела свет. За границей «Краткий очерк методологии истории русской литературы» переиздавался дважды — прежде, чем быть еще раз напечатанным на родине в 2010 году, спустя 88 лет после первого издания.

Л. В. Соколова (Санкт-Петербург) в докладе «Владимир Николаевич Перетц — исследователь „Слова о полку Игореве“» привлекла внимание слушателей к истории издания монографии Перетца «Слово о полку Игоревим — пам'ятка феодальної України-Руси XII віку» (Киев, 1926), занимающей важное место среди богатого научного наследия ученого. Сам Перетц объяснил свое решение принять предложение Украинской Академии наук и, в соответствии с ее Уставом, издать свое исследование в переводе на украинский язык безуспешными попытками публикации книги на родном языке. По предположению докладчицы, основной причиной отказа публиковать работу Перетца сразу несколькими ленинградскими издательствами было собственно ее содержание, которое, по признанию ученого, резко выступало за пределы научной традиции в изучении «Слова», хотя и было тесно связано с нею. Главная идея автора книги заключалась в том, что «Слово» — продукт конкретной исторической эпохи и определенной социальной среды, а именно того верхнего, господствовавшего класса, которому принадлежали и герои произведения, и его автор. Ему, по мнению ученого, ближе всего были интересы своего круга, а не народной массы. Попытку идеализировать Древнюю Русь и изображать князей «рыцарями без страха и упрека» исследователь считал безосновательной. Он категорически выступал против гипотезы об устном происхождении «Слова» и полагал, что создатель памятника принадлежал к числу начитанных людей своего времени (на это указывают разнообразные параллели «Слова» с современными ему литературными произведениями). Неспоримые факты совпадения стилистических элементов «Слова» с таковыми же в народной песне ученый объяснял воздействием памятников письменности на народную песню, а не наоборот. По мнению Перетца, автор «Слова» был далек от интересов церковной письменности своего времени, поскольку в нем «совершенно отсутствуют» цитаты из Священного Писания, но при этом исследователь привел в комментариях большое число лексических и стилистических параллелей к тексту «Слова» из древнейших славяно-русских переводных библейских книг. В целом взгляды ученого на «Слово» вступали в явное противоречие с господствующей идеологией 20-х годов XX века, когда в стране шла борьба с церковью,

отрицалось классическое искусство, была развернута сеть Пролеткульта, по мнению идеологов которого культура нового типа могла быть создана только представителями рабочего класса. Среди других причин нежелания публиковать книгу Перетца докладчица назвала его открытую оппозиционность, вызывавшую раздражение не только представителей власти, но и идейно близких к ней коллег ученого. Так, исключение монографии из перечня трудов, предназначенных к публикации в связи с 200-летним юбилеем Академии наук, могло быть следствием непростых отношений Перетца с непременным секретарем АН СССР С. Ф. Ольденбургом. Соколова не согласилась с мнением Л. А. Дмитриева о нецелесообразности переиздания труда Перетца в связи с новейшими результатами, достигнутыми в области комментирования «Слова», и необходимостью создания современного полного свода всех имеющихся комментариев к нему. По мнению исследовательницы, книга, появившаяся 95 лет назад в переводе на украинский язык и ставшая библиографической редкостью, заслуживает издания в своем первоначальном виде (машинописный оригинал книги на русском языке хранится в архиве В. П. Адриановой-Перетц (ИРЛИ. Ф. 728)). Следует принять во внимание, что украинский перевод не удовлетворял ни читателей, ни самого Перетца, мечтавшего дождаться ее русского издания. Значение книги для словесника так велико, что она должна быть доступна всем исследователям «Слова о полку Игореве» именно на том языке, на котором была написана.

М. В. Рождественская (Санкт-Петербург) в докладе «Владимир Николаевич Перетц — исследователь апокрифов» напомнила о работах В. Н. Перетца, изданных под общим названием «Материалы к истории апокрифа и легенды» (1899, 1900) и посвященных апокрифическим гадательным книгам — Громнику и Луннику. В этих трудах ученый сосредоточился на теме соотношения устной и письменной традиций и пришел к выводу, опровергавшему традиционное представление о том, что устный текст непременно должен предшествовать книжной записи. Обратившись непосредственно к рукописным сборникам из коллекции Перетца XVI—XIX веков, Рождественская отметила, что ряд их содержит среди других вполне канонических традиционных текстов одни и те же апокрифические памятники. Это «Беседа трех святителей» и связанные с ней вопросо-ответные сочинения, «Хождение Богородицы по мукам» в разных редакциях, «Иерусалимский свиток» («Епистолия о неделе»), «Сказание о 12 пятницах», Молитва Архангелу Михаилу, «Слово Мефодия Патарского о последних летех». При этом в одних рассмотренных сборниках совпадают два или три названных апокрифа, в других — все перечисленные в докладе. Как показала исследовательница, даже при беглом изучении состава этих сборников выявляется одна особенность — в них помещен довольно узкий круг одних и тех же

апокрифических текстов. По-видимому, именно они наиболее часто привлекали внимание переписчиков. А сами сборники — внимание их собирателя и исследователя, В. Н. Перетца.

Доклад А. Ф. Некрыловой (Санкт-Петербург) «Традиционный театр кукол в трудах В. Н. Перетца» был посвящен одной из наименее известных и мало оцененных сторон деятельности ученого — его работам, касающимся традиционного театра кукол. Вклад Перетца в эту область славянской культуры очень значителен. Его перу принадлежит первое обстоятельное исследование, в котором были обобщены все накопленные к тому времени факты, касающиеся европейского и славянского народного театра кукол («Кукольный театр на Руси: Исторический очерк», 1895). Перетц перевел на русский язык книгу итальянского критика Петро Феррини «A History of Puppets», подписанную псевдонимом Йорик (перевод печатался в журнале «Театр и искусство» в 1913–1914 годах). В 1908 году увидела свет работа Перетца «До історії вертепної драми», посвященная украинскому народному театру кукол. Собиранию подлинных материалов по русскому традиционному театру кукол во многом способствовала Программа, составленная ученым в 1897 году и опубликованная в центральных и местных изданиях. Несколькими текстами русского «Петрушки» было записано от народных кукольников самим Перетцем. В докладе были выявлены основные причины обращения Перетца к славянскому театру кукол. Главная среди них — понимание того, что народный театр кукол тесно связан со средневековой европейской культурой, прежде всего с мистериальным, площадным театром, с ранним демократическим и школьным театром; что здесь отчетливо проявились взаимовлияние славянских национальных традиций, что именно кукольный народный театр стоит у истоков некоторых национальных славянских драматургий. Перетц внес заметную лепту в формирование в России новой науки — театроведения, настаивающей на том, что главным предметом изучения театральных явлений должна быть не драматургия, а спектакль в полном объеме всех его компонентов. Безусловной заслугой ученого было требование исследовать не только тексты старинного русского и фольклорного кукольного театра, но все то, что делает театр театром: костюмы, бутафорию, реквизит, особенности актерского исполнения, реакцию зрителей, специфику сценической площадки. Колоссальная эрудиция, глубокие знания в области славянского фольклора, средневековой культуры, древнерусской и украинской литературы, школьного театра и «пиитик» привели ученого к важнейшему выводу о том, что театр в России (в том числе и кукольный) вырос не на почве отечественной фольклорной культуры, ее зрелищно-игровых, драматизированных, обрядовых форм, а был заимствован из Европы. Быстро вписавшись в культурную жизнь славян, театр кукол обрел широкую популярность, стал неотъемлемой частью традицион-

ной (прежде всего городской) культуры, причём у разных славянских народов преимущественно получили определенные виды искусства играющих кукол.

Е. Д. Конусова (Санкт-Петербург) в докладе «Из истории формирования коллекции рукописей В. Н. Перетца» подчеркнула особое место, которое занимает это самое большое личное собрание в Дрелвехранилище, представляя собой тип коллекции ученого-филолога, широта исследовательских интересов которого охватывала огромный круг проблем от истории старинной русской и украинской литературы и фольклора до литературы XVIII века и старинного русского и польского театра. Рукописное собрание В. Н. Перетца, состоявшее из 657 единиц хранения, поступило в Институт мировой литературы в 1939 году. Спустя 12 лет стараниями В. П. Адриановой-Перетц и по решению Президиума АН СССР коллекция сменила место жительства, переехав в Пушкинский Дом. С тех пор рукописная часть коллекции увеличилась, но уже не по воле своего создателя, а по усмотрению ее хранителей. Нет никаких сомнений, что все 18 единиц хранения, пополнивших основной корпус коллекции, принадлежали В. Н. Перетцу и оказались в Дрелвехранилище либо по желанию В. П. Адриановой-Перетц, либо вскоре после ее кончины, когда ее архив вошел в фонды Рукописного отдела Института (Ф. 728). Среди недавних добавлений к коллекции — ее рукописная опись, составленная Перетцем в 1924–1933 годах. Наряду с владельческими записями в рукописях она является одним из важных источников, помогающих проследить этапы складывания коллекции, включая ее погодную историю и географию находок. При этом многое удается узнать о составе как малоизвестных, так и знаменитых книжных собраний, фрагменты которых она сохранила. Временные рамки формирования коллекции укладываются в промежуток между 1895 и 1933 годами. Самым «урожайным» для нее стала вторая половина 20-х годов прошлого века. Именно в этот период коллекция значительно пополнилась за счет приобретения рукописных книг из собраний И. С. Абрамова (16 рукописей), П. Ф. Симсона (25 рукописей) и А. И. Лященко (26 рукописей). Перечисленные коллекции — самые крупные, но не единственные отблески собраний, отразившиеся в коллекции Перетца. В ней хранятся рукописи из коллекций замечательных собирателей конца XIX — начала XX века, таких, например, как С. Т., Д. С. и Н. С. Большаковы, А. Е. Бурцев, М. Г. Долобо, В. И. Ключков, Х. М. Лопарев. В ней также отложились рукописи из собраний и более отдаленного времени. Так, она хранит рукописи из собраний князя Н. А. Голицына (1751–1809) и новгородского помещика С. Ф. Вындомского (1768 — не ранее 1846). Осколки разных коллекций, маленькие и большие, соединившись в одной, определили индивидуальные черты вновь образованного собрания, побуждая современного исследователя вспомнить

о том, что за каждой рукописью коллекции стоит не только ее индивидуальная судьба и судьба подчас исчезнувших коллекций, но и история жизни их создателей.

А. Б. Бильдюг (Санкт-Петербург) в обзоре «Рукописи XV века в коллекции В. Н. Перетца» отметила, что хронологическая и жанровая широта представленных в ней материалов ставит ее особняком среди собраний Дрелвехранилища: она включает в себя ранние древнерусские памятники и артефакты старообрядческой книжности, литературно-исторические памятники эпохи Петра I, песенные сборники и сатиры XVIII века, сочинения авторов XIX века, памятники, связанные с историей и культурой Украины, и многое другое. Хотя материалы коллекции датируются в основном XVIII–XIX веками, ее древнейшая часть — рукописи XV века — составляет значительную долю от числа ранних кодексов в собраниях Дрелвехранилища. К этому периоду относятся полное Евангелие-апракос, Евангелие-тетр, Евангелие учительное, Деяния и Послания апостолов, служебные Минеи на декабрь и апрель (в том числе на пергамене), Пролог мартовской половины года (2-й редакции), фрагмент Торжественника общего, сборник слов на избранные дни и Златоуст годовой краткого вида. Две рукописи украшены заставками балканского стиля. В Предварительном списке славяно-русских рукописных книг XV века отмечены входящие в коллекцию Житие Иоанна Златоуста и сборник слов и житий. Благодаря работам Л. П. Жуковской, М. Г. Гальченко, Ж. Л. Левшиной, отдельные рукописи XV века из коллекции Перетца обрели собственную биографию, получив новые датировки и уточненные названия.

Доклад Ж. Л. Левшиной (Санкт-Петербург) «Особенности декора и история бытования сербского Евангелия-тетр XVI века» был посвящен уточнению и расширению сведений о рукописи из коллекции Перетца (№ 50), ранее изложенных в статье В. К. Петухова (ТОДРЛ. Т. 14). Левшина убедилась в том, что рукопись следует датировать третьей четвертью XVI века, и смогла отчасти проследить маршрут ее передвижения. Так, с помощью греческих исследователей Х. Каранасиоса и З. Мелисакиса исследовательница прочла запись в рукописи о том, что в 1679 году она была вложена в храм святого великомученика Георгия в селе Кадикей (в настоящее время — район Стамбула). Другая запись сообщает о том, что в 1835 году Евангелие находилось в России, в деревне Подлужье возле Коломны, видимо, в старообрядческой среде. В качестве наиболее вероятных прочтений имени владельца рукописи докладчица предложила три: Амвросий, Афанасий, Анатолий. Она также допустила, что рукопись привез в Россию некто, совершивший паломническую поездку в Константинополь. По мнению исследовательницы, в конце XIX века Евангелие оказалось в одной из двух столиц — Москве или Петербурге, где обрело миниатюры и новый переплет. Неизвестный

мастер, которому была заказана эта работа, был сведущ в художественном оформлении роскошных рукописных Евангелий XVI столетия, но не сербских, а древнерусских. Левшина предположила, что миниатюрист использовал в качестве образца Евангелие 1507 года (РНБ. Погодинское собр. № 133), в котором фронтисписные изображения евангелистов принадлежат кисти известного изографа Феодосия, сына Дионисия. При этом он не копировал изображения буквально и подошел к художественному процессу творчески. Докладчица отметила, что типологическое сходство Погодинского Евангелия и Евангелия Перетца наблюдается не только в отношении декоративных элементов, но и в оформлении переплета, и допустила несколько ситуаций, при которых заказчик и миниатюрист сербского Евангелия могли увидеть кодекс, оформленный Феодосием. По мнению Левшиной, именно от неизвестного владельца, по желанию которого оно получило восточнославянский декор, Перетц и приобрел Евангелие в 1926 году.

Ф. В. Панченко (Санкт-Петербург) в докладе «Выговский сборник духовных стихов в контексте старообрядческой поморской книжности (колл. Перетца, 513)» обратилась к теме стихосложения, занимающей важное место в научном наследии В. Н. Перетца. Показав в своих исследованиях широкий исторический срез славянской поэтической культуры во взаимодействии письменной профессиональной поэзии и устного народного творчества, ученый не обошел вниманием и поэтические жанры, предполагавшие певческое исполнение (покаянные стихи, канты и псалмы), а рукописные сборники духовных стихов и песенники были предметом его собирательской деятельности. Особое место в коллекции Перетца занимает сборник духовных стихов, составленный и переписанный в начале XIX века в Выголексинском старообрядческом общежительстве (колл. Перетца, 513). Будучи типовым, он, подобно другим певческим книгам, был предназначен для тиражирования в книгописных мастерских общежительства, отразив общую для поморских певческих книг тенденцию к окончательной стабилизации структуры и репертуара. Весь круг типовых певческих книг, имевших свою специфику и отвечавших регламенту выговского богослужебного устава, был сформирован к 1780-м годам. Тогда же была составлена типовая певческая азбука для обучения знаменному пению. В редактировании и формировании певческих книг выговцы следовали тем же текстологическим принципам, что и в работе с другими видами книжных памятников, такими как поморский торжествен-

ник, минеи четы братьев Денисовых, риторики Мелетия Смотрицкого и братьев Лихудов, богослужебный Устав, Выгорецкий чиновник и др. В составленном выговцами типовом Сборнике духовных стихов отразились общие методы работы выговских книжников и мастеров-певцев, определившие «книжный характер» выговской культуры в целом.

Биографический аспект конференции был представлен докладом М. П. Лепехина (Санкт-Петербург) «„Persona brata“: К биографии Льва Николаевича Перетца», рассказывающим о младшем брате ее главного героя (1871–1942). Название доклада отсылает к ироничной самохарактеристике Льва Николаевича, в течение жизни находившегося в тени известности старшего брата. Докладчик напомнил о предках братьев, в том числе о Григории Абрамовиче Перетце (1788–1855), которому они посвятили свою совместную книгу «Декабрист Григорий Абрамович Перетц: биографический очерк, документы» (Л., 1926). По мнению Лепехина, опубликованные в 2001 году материалы следственного дела Г. А. Перетца позволяют говорить о нем как о декабристе с известной долей скептицизма. Сообщив сведения о полученном Л. Н. Перетцем образовании (Ларинская гимназия, юридический факультет Санкт-Петербургского университета), Лепехин сосредоточился на фактах его служебной истории: работе в департаменте торговли и промышленности Министерства финансов под началом В. А. Ковалевского (1895–1921), Пушкинском Доме (1921–1924), Библиотеке Академии наук (1924–1929), откуда Лев Николаевич на основании решения по проверке аппарата Академии наук был уволен с запретом дальнейшей работы в любых учреждениях АН. Однако он не пострадал ни по «Академическому делу», ни по «Делу славистов». Дальнейшие сведения о Л. Н. Перетце весьма скудны: известно, что он был женат на курсистке Л. Е. Зубашевой (1894–?) и что в последнее десятилетие своей жизни служил помощником бухгалтера физического факультета Ленинградского университета. Согласно записи в домовых книгах он погиб в блокадном феврале 1942 года и погребен на Серафимовском кладбище.

Конференция сопровождалась выставкой, развернутой в стенах Древлехранилища. На ней были представлены яркие образцы коллекции В. Н. Перетца в контексте драматических страниц истории рукописных собраний XVIII–XX веков.

© *Е. Д. Конусова*